

ЭКСПЕРТНОЕ МИРО(СО)ЗНАНИЕ КАК ГУМАНИТАРНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ТРЕНД

В статье выдвигается и артикулируется предположение о том, что на современном этапе бытия гуманитарного познания, его философско-мировоззренческие обобщения должны обрести «экспертную проекцию», герменевтически фундирующую методологические регулятивы получения знания и этическую аксиологию футурологических прообразов эволюционирующего (социального) Сущего.

Ключевые слова: гуманитарное познание, этическая рефлексия, религиозные сакрализации, культурологическая реконструкция, философское мировоззрение, герменевтика, экспертное сознание, феномен Другого, идентификации самобытности.

The article suggests and articulates the assumption that at the present stage of the existence of humanitarian knowledge its philosophical-worldview generalizations should acquire an «expert projection», that hermeneutically is based on methodological regulatives of obtaining knowledge and ethical axiology of futurological proimages (prototypes) of evolutionary (social) Essence.

Keywords: humanitarian knowledge, ethical reflection, religious sacralization, cultural reconstruction, philosophical worldview, hermeneutics, expert consciousness, phenomenon of Another, identification of authenticity.

Современное гуманитарное образование находится на своеобразном распутье. Тотальная прагматизация образовательных традиций всё более отчётливо смещает фокусы вузовских штудий в область мировоззренческой эклектичности, населяющей сознание студенческой аудитории верхоглядством «тезисной толерантности» к историческому многообразию «социального знания». Знаковые имена и классические парадигмы умопостижений человеческого бытия подвергаются либеральной девальвации, настырно подсовывающей нашему ментальному пространству духовные суррогаты «эрудиции уличного кругозора». Всемирная отзывчивость и общечеловеческая солидарность гуманитарного Разума рассматриваются в качестве «благоглупостей наивного просветительства» на авансцене «минимальной достаточности».

Назревает кризис мировоззренческого попустительства и духовной неприязнательности. Утрачивается аксиология «идеальных высот», отзеркалившая повседневность к неким обликам взыскуемого совершенства, выступавших локомотивами смысложизненных ориентаций. Оценочная принципиальность всё чаще квалифицируется как избыточная «придирчивость», посягающая на

«общую успеваемость» и психологическую комфортность вузовских потребителей образовательных услуг. Приветствуются рейтинговая «усердность» посещения занятий и фрагментология начётнических воспоминаний (в виде «походных ответов»), сохраняющих признаки памяти, но не отягощенных обязательствами понимания.

Особую тревожность за здравоохранение совести, художественного вкуса, иконостасов сакральности и культурно-исторической толщи эстафет поколений вызывает, (само)убийственная для гуманитарной оптики, вивисекция этических, эстетических, религиоведческих и культурологических информационных ресурсов человековедения. «Экономия времени» на этих «перпетум мобиле» экзистенций духа, серьезнейшим образом подрывает смысловое жизнеобеспечение наших возможностей «оставаться людьми» не по анатомической юрисдикции, а в силу исторических эволюций разнообразных социумных конгломератов в направлении личностных и цивилизационных идентификаций.

Этическая компонента гуманитарных экспликаций призвана континуально-поведенчески реанимировать деонтологию человечности, (возобновляюще) ставящей себя под вопрос «декартовых сомнений» в собственной бытующей аутентичности и нелицемерной подлинности, перед лицом искушений гедонистического своеволия и био-гено-медицинских экспериментов с нашим природным естеством. В своём прикладном аспекте, этически ориентированное сознание вовлекает в драматические отношения к профессиональным портфолио нравственного самостояния, чреватых кодификацией (частных) «пользы и выгоды» в статус субститута «морали по преимуществу».

Эстетическая живопись человеческого духа подключает нас к образным размерностям путешествий воображения, (предвосхищающе) диагностирующего диалектику прекрасного и безобразного в их драматических коллизиях «возможной современности»; задаёт «перспективы взгляда» в потусторонности хаосных ресурсов души и трагикомические сюжеты нашей взволнованной чуткости к Сущему. Одновременно, в своей дисциплинарной проекции на частные практики человеческих инициатив существования, эстетическая антропология полагания смысла культивирует пристрастие к таким сценариям самотворчества, которые наделяют нас восторгами кагарсиса и благоговением перед профессиональными свершениями публичного «почти совершенства» человеческих воплощений.

Религиозная традиция «проживания Абсолютного» позволяет тематизировать «онтологию сакрального» в ее разнообразных исторических версиях, литургических гимнософиях и житийных экзальтациях. Мы пробуем к духовидческим тайнствам «аксиологий святых» по витиеватым тропам человеческой жадности «трансцендировать Сущее» в образных персонализациях бытийных сил и сущностей, наделяемых гипнотической аурой «сверхчеловеческой человечности», и без сентиментальной казуистики избегающей пропасти

временности, смертности и конечности нашего бытийного «удела». Здесь «божественное» экстраполируется в человеческую апостериорность, с интенцией ее «доочеловечивания» через подвижническое «де(о)скотирование». Необходим горизонт подражания (ир)реальной безусловности Идеала, вытягивающий из человеческой природы соблазны «природной инерции», звероподобной генетики «борьбы за существование», во имя сотериологии альтруистической жертвенности, ради этоса ноосферы «антропного принципа Вселенной»...

Культурологическая реконструкция исторической полифонии «биографий и флуктуаций человечности», в свою очередь, предлагает нам археологию музейных раскопок «энциклопедий знаково-символических форм и артефактов» надприродного бытия человеческой сущности в биовитальном субстрате «звероподобности». Мы обнаруживаем огромное множество «искусственных модуляторов» табуирования человеческим существом своей бытийной репродуктивности; попытки потеснить в самом себе собственную «природную естественность», переписать ее бытование в стилистике амортизирующих иносказаний. Культурологические архивы, иллюстрируя известную сентенцию о том, что «ничто не ново под луной», позволяют мудро остерегать человечество от слепоглухонемой методологии «проб и ошибок», поставляя из своих тысячелетних кладовых «информацию к размышлению» и обереги от экзистенциальных пропастей наших «освенцимов человечности». Одновременно, *формируются (эволюционно фундированные) стратегии прогностических сценариев «исторических перспектив» homo sapiens*, способствующие осмысленной селекции глобалистских интенций и ценностных кренов уникальных культур, оптимизации герменевтик новаций и традиций.

Квинтэссенцией же гуманитарного дискурса, его мировоззренческой *alma mater*, *смысловой симбиотой всех иных социально-исторических формаций антропофокусной мысли, (испокон веков) выступает философское сознание*, целеориентированное на продуцирование категориально инсталлированных «картин мира», свидетельствующих о тех мировселенских и общечеловеческих координатах присутствия нашей сути, которые способны помочь нам пробраться к собственной самобытности через тернии цивилизационных симулякров, этнических автаркий, профессиональных лоботомий и обывательских нирван видимостей.

Однако, эта миссия философского знания способна оказаться (сегодня) исторически исполнимой, если будет осознано некое «новое качество» самой «философской мудрости», преодолевающей свой элитарный снобизм inferнального оракула-отшельника и рафинированного провидца судеб бытия... Мировоззренческая эрудиция, не окантованная методологическим праксисом и аксиологическим визионерством, чревата гегельянским самодовольством Абсолютной Истины, застрявшей в тенетах «божественного изгнаничества». (Вузовская) философия всё ещё продолжает (по исторической инерции) зани-

маться хрестоматийной выборкой «репрезентативных имён», чья (безусловная) «классичность» выглядит не столько анахроничной, сколько «олимпийски пантеонной», ибо сами мудрствующие небожители присутствуют на авансцене знания в качестве «риторических персонажей», перекрывающих собой свои же «интеллектуальные проекты интерпретации Сущего». Сократ, Платон, Аристотель, Будда, Лао-цзы, Конфуций, Декарт, Кант, Гегель, Маркс, Гадамер, Сартр, Фуко, Деррида и иже с ними (несть им числа) остаются не востребованы в статусе (провоз)вестников Настоящего, абсорбированного из смыслоположений «Изначального», содержащего в себе памятования (культурно-исторического) прошлого и тенденций возможного (будущего).

Отныне, философия призвана «объясняя изменять» мироустройство бытия в направлении его антропософийных ресурсов человекоразмерности и устойчивого развития, настойчиво экологизируя практические побуждения цивилизационных игроков и сибаритствующих однодневок. На первый план выходит ранее (фактически) латентная функция «экспертного Разума», конструирующего герменевтические вокабуляры мировоззренческих установок и программных манифестаций поведения, общения и деятельности всего Человечества (... в каждом человеке). Герменевтика, из факультативного раздела истории философии, должна обрести диспозицию «центра Омеги», выводящего хайдеггеровские «разговоры на проселочной дороге» в пространство декарто-сократовской публичности «со-мнения», перепроверяющего себя под давлением кантианской «способности суждения», платоновских «логосов идеальности», экзистенциалистской «подлинности существования» и постмодернистских деконструкций софистико-схоластических абберраций мыслимости.

Методологическая же функция философии становится элементом экпертных герменевтик, футурологически трансформируя позитивистскую транскрипцию «протокольных предложений о фактах Сущего» (с ее сциентизмом естественнонаучных «данностей наличного»), в про(сп)екты таких «состояний бытия», которые (порой нелицеприятно «самоубийственно») ин-структируют нас о «пограничностях пределов социального роста», чреватого «тушиками технического прогресса» и (ин)толерантной аксиологической аннигиляцией.

На первый план выходит «субъект-субъектная онтология» восприятия «того, что есть», смещающая «объективистские критерии научности» в сторону постнеклассической рациональности «присутствия гилозоистической канвы» и «духовной страховки» в гносеологических откровения «чистого Разума», нуждающегося в поводырях нравственного долженствования и эстетике «красоты сакральности». Сознание (наконец) аристотелевски инструктируется, как по поводу «материальной и действующей первопричин» постижения Сущего, так и в отношении регулятивных предисловий «формально-смыслово-

го и пропедевтически-этического» права на существование тех или иных (возможных) реальностей. Отныне «чтойное» предосмысливается не только «по факту» своей абстрактности внешнего «объекта», но и по ментальным параметрам «участного мышления», подвергающего любую (частную) «вселенскую внаходимость» вопрошанию об актуальной целесообразности её «социализации» в практике человеческих (само)идентификаций.

Последнее обстоятельство обретает в экспертном знании особую роль, так как именно «*процедуры идентификации*» (познающим и действующим) человеком собственных культурно-исторических обликов и аксиологических Ликов становится определяющим фактором мировоззренческих констатаций и прогнозов философских социометрий... Философия – это (по определению) гносеологическая претензия мыслить всё (и всякое!) Сущее (онтологически) Всеобщее, (аксиологически) горизонтно, (антропологически) участливо и (социально-исторически) прогностично. Социально центрированная философия и призвана, на наш взгляд, эксплицировать в фактуре человеческих сообществ (очень разных по своему историческому масштабу, значимости и арифметической наполненности), лейтмотивные для них (и во многом однотипные) проекции «ментальных и праксиологических идентификаций», свидетельствующих о расширенно воспроизводимых вариантах «социализации человеческого» и параллельной культурно-исторической селекции зёрен «общечеловечной человечности».

В этой связи, «экспертную иждивость» социальной философии, должно интересовать не «общество как таковое», а «культурно-исторические (со)общности» и конгенитальные последним инвариантные принципы (онто-идеиной) консолидации и поведенческой солидарности, задающие ценностные ригоризмы сущностной само(сть)бытности, перед испытующим взором обступающего «Другого». Более того, сам этот «Другой» не может быть больше приписан только и исключительно к разряду «родственников по человеческой сродственности», в бытийных осцилляциях с которыми социальные общности верифицируют личную автономность. Уникальность человеческого присутствия в Мире как раз и заключается в том, что человек, исторически и сообща со своими внечеловеческими сородичами, репрезентирует бытие в целом и, следовательно, всегда трансграничен в усилиях осваивать наличное бытие, «очеловечивая» его природные или взеземные уста.

Таким образом, философия и её гуманитарные собратья должны транслировать свой мировоззренческий дискурс в направлении выстраивания «экспертных тезаурусов» оценки ценностных ориентаций современных социокультурных идентичностей, методологически настраивая их на герменевтику самопознания и футурологию ответственности в мир-системах бытийных инаковостей...